

Криму впродовж 1921–1941 років; відтворюють основні тенденції й особливості цього процесу; персоніфікують внесок кримських пам'яток охоронців у справу збереження пам'яток і, безумовно, стануть у нагоді наступним пам'ятознавчим, джерелознавчим студіям.

Основний текст видання органічно доповнюють довідкові матеріали: ретельно складені коментарі до документів (над ними працювала група науковців Центру історико-краєзнавчих досліджень та Зводу пам'яток України по АРКрим (Н.В. Кармазіна, Є.О. Катюшин, А.А. Непомнящий, В.Ф. Санжаровець, О.В. Хлівнюк, С.О. Шестаков) – роз'яснено зміст термінів і понять, назв, наведено біографічні довідки до персоналій) та іменний покажчик.

Зауважимо, що у збірнику звернено увагу на період, коли пам'ятоохоронна робота в Криму була поставлена на дуже високому рівні. Кращі традиції, наукова спадщина учасників пам'ятознавчого руху в Криму зазначеного часу не втратили значення й сьогодні. Чимало пам'ятознавчих проблем, які потребували розв'язання в першій половині ХХ ст., перегукуються з аналогічними проблемами в житті сучасного українського суспільства. Тому ця цікава книга, видана за рекомендації Центру пам'ятознавства НАН України і УТОПК, буде корисною для фахівців усіх областей України. Цікавою вона буде й для істориків Російської Федерації.

А.А. ПУЧКОВ

**Ориентальные ориентации
крымской историографии
(к новой книге А.А. Непомнящего)***

*Итак, счет гостиницы, документ непарадный,
документ о хлебе и вине.*

*Есть документы парадные, и они врут как
люди. У меня нет никакого титета
к "документу вообще"... Не верьте, дойдите до
границы документа, продырявьте его.*

Юрий Тынянов, 1930 г.

Рецензии на историографические сочинения сочинять трудно: получается тройная возгонка первичного материала и такой силы концентрат, что слово оценки порой вязнет, теряя объективность, в патоке славословий одному только трудолюбию автора и – рикошетом – читательскому трудолюбию, позволившему наловить у измученного автора блошек-ошибочек. Но книга книги рознь, и чем дальше отстоит по жанру историографический

*Непомнящий А.А. Подвижники кримведения. – Симферополь: Симф. гор. тип. (СГТ), 2008. – Ч. II: *Taurica orientalia*. – 600 с.: ил. – (Библиограф. кримведения; Вып. 12).

труд от справочника, тем рецензия бывает злее. Ведь рецензент спрашивает себя – мог бы я так написать, и порой отвечает: мог, но лучше. Стоит ли браться за рецензию? Впрочем, поди разбери этих рецензентов. Но когда рецензируемая книга нравится – это особый случай.

С удовольствием откликаясь в свою бытность на книгу проф. А.А. Непомнящего “Подвижники кримведения”, мне случилось удивиться, что на титульном ее листе красовалась цифра “1”, не означенная в выходных данных, и что следует терпеливо надеяться на появление следующих выпусков биографических очерков об этих подвижниках, написанных изящно и со знанием дела [1]. Толи напугавшись этой маленькой оплошностью, толи стремясь потрогать рецензенту, Андрей Анатольевич быстро выпустил вторую часть “Подвижников кримведения”, наименовав ее “*Taurica orientalia*”, – как 12-й выпуск серии “Биобиблиография кримведения”, им же несколько лет успешно редактируемой в Таврическом университете.

В первой части “Подвижников...” нашли место очерки об ученых, чей взор направлен из разных мест Российской империи к крымским древностям. Во второй части, ныне подвергающейся рецензированию, собраны очерки об исследователях, ученый взор которых устремлен из Крыма на восток, и на самый Крым как средоточие ориентальных вопросов, которые остались недостаточно освещенными в отечественной историографии, из тех же мест империи – из университетских центров.

Автор удачно выбрал исследовательский вектор: “античный интерес” киевских, московских, питерских, одесских университетских профессоров, прослеженный в первой части “Подвижников...”, заменен внутрикрымскими интересами преимущественно самих крымчан да именитых востоковедов “северных столиц”, для которых полный легендами и артефактом полуостров был непаханым ориентальным полем. Нельзя наверняка утверждать, что некоторые очерки не могли бы безболезненно переместиться из одной части в другую – из космополитически-античной в территориально-ориентальную, – очерк о научном творчестве, скажем, А.Ф. Музыченко мог расположиться во второй части, Н.И. Веселовского – в первой. Дело не в этом. Наш уважаемый автор будто следует давно известной максиме, что архивный поиск непредсказуем, и не всегда можно предположить с точностью, о которой печется историк, что именно им будет представлено, скажем, в третьей части “Подвижников кримведения”. Слов для порицания Андрея Анатольевича в этом направлении сыскать трудно. “Каждый пишет, как он дышит”, и пространство для дыхания создает пахнувшая архивным дустом пожелтевшая страница с ятями и обилием твердых знаков после согласных.

Это композиционное отступление понадобилось, чтобы уверить: автор движется одному ему присущим научным путем, будто пытаясь следовать тыняновской формуле работы с архивными бумагами: “где кончается документ, там я начинаю” [2]. Не отдаваясь на волю собственной научной фантазии, но и не слепо комментируя документы, проф. А.А. Непомнящий стремится вскрыть, как египетский психопомп, подноготную правду, с тем

важным отличием от иван-грозовского палача, что не иголки загоняются под ноготь живого человека, но лучи остроумных догадок и неожиданных биографических гипотез сканируют обеззараженную плоть документа, за скучной буквой высвечивая каверзы человеческих судеб, мотивации их поступков, идеологемы научного поиска.

Историк, честно выполняющий свою работу, – да простится мне крепкое ненаучное слово, – похож на следователя не к ночи будь помянутых пенитенциарных органов, патологоанатома, у которого вместо средневековых инструментов для добывания правды – перо, чистое сердце и неутолимая жажда поведать о том, что без всех этих усилий осталось бы втуне, превратив некогда живое чувствующее и неординарно мыслящее существо в пыль тех самых веков, что осели в архивных застенках и молчат, откуда не спросит их о человечески важном неравнодушный исследователь. Я не подпишусь под словами Ю.Н. Тынянова: “не полагайтесь на историков, обрабатывающих материал, пересказывающих его” [3]. На кого же полагаться?

А.А. Непомнящий настолько деликатен с собой и читателем, что нашел нужным в ответ на досужие измышления оппонентов удостоверить, что “никогда не считал возможным публикуемые работы классиков крымоведения выдавать за свои открытия... Нами на несколько десятков позиций была дополнена библиография... Маркевича за счет его статей, выявленных на страницах газет “Крымское слово”, “Салгир”, “Южное слово”. Тогда я и не догадывался, что каждую такую статью можно представить как “сенсационное открытие”. Статьи, не считаю так и теперь” (с. 466). Что можно полагать историографическим открытием, как не забытый документ, затерявшуюся в прелых газетных конволютах заметку, верно прочесть скверным почерком написанное письмо значимого исторического персонажа? Кто жизнь кладет на рытье архивных котлованов, знает, о чем я спрашиваю. Открытие возможно там, где властвуют непредсказуемость, неожиданность, научный подвох: не классическая Клио, но эти диковинные божки витают под сводом архивного древлехранилища, именно в этих ученых пенатах нужно вести речь об открытии и о новинке.

“*Taurica orientalia*” проф. А.А. Непомнящего, как и прочие труды его, давно и прочно составляющие золотой фонд крымоведения, полна открытий и находок, что бы наш автор ни говорил на этот счет. Его мастерство историка (а не ремесло, как то утверждал Марк Блок) заключается прежде всего в том, что за строками цитируемых документов перед умственным взором читателя вырастает живой человек, насколько вообще может считаться таковым автор научных трактатов. “Свершение всех времен как полнота бытия” (Мейстер Экхарт) сбывается на письме, на странице, где эти времена только и способны обнаружить законченность, асимптотическое приближение к полноте.

Потому автор имеет основания утверждать, что его работа – “синтез неизвестных архивных источников с обширным корпусом рукописных и опубликованных трудов ориенталистов” (с. 7). Синтез, следует признать, удавшийся, имеющий характеристики целостного воззрения на проблему.

Чтобы не сверживаться в пересказ достоинств книги, столь чтимый рецензентами, хочется избрать иной путь: попытаться проследить глазом читателя те моменты в труде А.А. Непомнящего, которые вызвали сомнения, – и тем самым спровоцировали к собственным размышлениям. Мною избран жанр так называемого критического дифирамба, некогда ценившийся филологами-классиками на рубеже XIX–XX вв.

В первом очерке “Начало изучения памятников истории и культуры Крыма: Экспедиции Петербургской академии наук” (с. 11–64) отмечается неоднородность описания столичными экспедиторами населенных мест, исторических и архитектурных памятников – “от краткого упоминания до многостраничной характеристики со всеми подробностями быта и технологии промыслов местного населения” (с. 13). Здесь хорошо бы предложить ответ на вопрос, в какой земле залегают корни такой неоднородности, почему исследовательское внимание, задерживаясь подолгу на одних явлениях, пропускает воздать должное другим? Ведь очевидно, что наблюдатель, ученым глазом дивящийся на то, что пред ним открывается, каждый раз сочетает увиденное с некоей концепцией, на что вообще должно смотреть. То есть, задача, поставленная в начале исследования, доносит свой голос до решения, звуча рефреном. В повествовании об И.А. Гильденштедте – первом ученом путешественнике в Крыму (последняя треть XVIII в.) – читатель надеется услышать не только о решенных им задачах, но и о постановке самих задач. Забавное “производство научных открытий”, вмененное Академией 26-летнему П.С. Палласу, также, на мой взгляд, требует комментирования – не столько через призму отрицательного отношения к нему Екатерины Великой, болезни глаз и однажды настигшей дизентерии (с. 35), сколько в угоду удовлетворению читательского внимания. Накопивший значительные имения и земли (рощи, виноградники, леса, тянувшиеся по р. Салгир), Паллас действительно интересен не этим, – и наш автор здорово дополняет биографический фон подробным изложением основных научных достижений академика, которое, насколько можно судить из цитированной литературы, до проф. А.А. Непомнящего не предпринималось. Получилась маленькая монография в монографии, бодрая и нескудная.

Там, где автор указывает, что другого крымского экспедитора, Е.Е. Кёлера, “угнетали безуспешные попытки избрания в действительные члены Академии наук” (с. 54), читатель невольно пожмет плечами: вот ведь какие глупости волновали человека. На с. 57 находим, впрочем, наблюдение, что Е.Е. Кёлер “зачастую путал византийские, итальянские и крымскотатарские архитектурные постройки ... О полном непонимании ученым-антикваром самобытности и важности сохранения памятников истории и культуры Крымского ханства свидетельствует его предложение снести “ветхий” дворец крымских ханов в Бахчисарае, а вместо него построить каменный, меньших размеров, в восточном стиле (“вкусе”)”. Недаром Е.Е. Кёлера – делает вывод читатель – так волновало его академическое звание. Ссылаясь на восторженный отзыв о трудах Е.Е. Кёлера П.М. Леонтьева, Андрей Анатольевич называет последнего историком науки: только про-

фессиональный филолог-классик, профессор Московского университета и Лицея цесаревича Николая, издатель “Прописей”, мог утверждать, что Е.Е. Кёлер поднял основание изучения древностей на “высокую ступень строгой научной отчетливости” (с. 59–60): он знал, о чем говорит. Вообще же, первый очерк построен строго, интересен прежде прочего живостью представления материала, неказенность выводов (с. 63–64) сообщает его научному значению не менее высокую “ступень строгой отчетливости”, делая нашего автора конгениальным его персонажам.

В очерке, посвященном В.В. Григорьеву, проф. А.А. Непомнящий, комментируя его актовую речь “Об отношении России к Востоку” в Ришельевском лицее, пишет, что, заявляя о цивилизаторской миссии России в Азии, В.В. Григорьев апеллировал к заложенному в славянах “азиатскому элементу”: “Патриотическая патетика речи В.В. Григорьева являлась искусственной, так как работа готовилась в связи со служебными обязанностями профессора” (с. 76). Едва ли стоило упрекать лектора в неискренности и служебном рвении, тем более что в николаевскую эпоху экспансивные имперские тенденции распространялись не только на замиряемый Кавказ политически, но и на восточный мир идеологически. В.В. Григорьев, идя в ногу с августейшей линией, выглядит органичным. Не придет же нам в голову упрекать рабочих и крестьян, что они семьдесят лет ступали в ногу с линией партии?

Прекрасный фрагмент текста посвящен деятельности Оренбургского и Самарского генерал-губернатора А.П. Безака (1801–1868), подавившего Кокандское восстание, а в 1865–1868 г. бывшего Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором [4]. В книге А.П. Безак выступает как законченный самодур, не имевший представления об особенностях местных культурных традиций и не желавший вникать в них. К тому же он, бывший в неладах с В.В. Григорьевым, добился для него самой мизерной пенсии, в то время как ученый имел право на значительно более достойную. Чего можно ждать от солдафона?

Маленький очерк об И.Н. Березине, востоковеде-энциклопедисте, автор нарисовал как барочную виньетку. С сожалением оговорив, что этот ученый на последнем этапе научной деятельности отодвинул ориентальные вопросы на второй план, не предлагает этому объяснений, чем слегка разочаровывает читателя.

Интересным представляется повествование об Н.И. Веселовском, руководителе Восточного отделения Российского археологического общества, составившего замечательную историю этого научного центра за 50 лет. Наверное, я подвверг бы сомнению идею В.В. Григорьева, поддержанную Н.И. Веселовским, о том, что можно, восстановив картину исторической жизни исключительно по археологическим данным, которые надо “заставить говорить за себя” (с. 105–106). Даже восстановив особый “язык” таких свидетельств, прибегая к неведомо каким герменевтическим ухищрениям, полной картины получить не удастся: кроме внеязыковых данных необходимы языковые – письменные свидетельства. Было бы здорово по одним только артефактам убедительно и правдоподобно восстановить культуру и

быт, скажем, трипольцев или скифов, но столь соблазнительное начинание всякий раз наталкивается на молчание свидетелей, которые умерли, и на еще большее немотствование черепков и камней, которые только и могут заговорить что на языке и голосом самого исследователя. Археология, с одной стороны, самостоятельная наука, таксономически ориентированная, с другой, – одна из самых культурно молчаливых. Нужны фантазия и домысел, чтобы находка заговорила. Но вопрос, насколько правдив этот говор, сохраняет подзуживающую чистоту постановки.

Дивно, но Н.И. Веселовский, как и И.Н. Березин, “довольно рано ... изменил своей официальной специальности – “истории Востока”, – и увлекся раскопками в Крыму и на Кавказе” (с. 116). Отчего так происходило? Вероятно, именно в “*Taurica orientalia*” следует искать ответ на этот вопрос. Пожалуй, дело в том, что востоковедческая тематика не была в фарватере научного интереса университетских исследований (а иных не было), особенно во время повальной государственно контролируемой (если не навязываемой) ориентации не на ориентальные, но на классико-филологические: древнегреческий и латынь, древняя европейская история и т. п. Востоковедение в большей степени оказывалось энтузиастическим занятием, нежели официально поддерживаемым комплексным вопросом ученых занятий. Если классическая филология впадала, будто Волга в Каспий, в воды гимназических и студенческих аудиторий, освящаясь политикой Министерства народного просвещения и Государем Императором, то востоковедение оставалось в пределах области занятий камерных, впадая в общее русло российской гуманитаристики – как Верхняя Терсь в Томь – не особенно мощной струей. По этой причине особенно важной оказывается книга проф. А.А. Непомнящего, взявшегося за изучение именно ориентальных трудов, которые в то время не пользовались достойным вниманием со стороны университетских деятелей и базировались на искренности, питаясь из неподдельного научного интереса.

В связи с этим обстоятельством появляется еще один вопрос. У большинства ученых востоковедов преимущественный объем их трудов занят описаниями тех или иных явлений и фактов. “Записка о Симферополе”, “Описание Бахчисарайского дворца”, “Записка о Феодосии” Н.И. Веселовского не столько сугубо научные сочинения, сколько пропедевтически-ознакомительные. Отчего значительные умственные усилия были направлены не на аккумуляцию, “возгонку” синтетического знания, а на караульно-охранительную и описательную деятельность? Вероятно, именно в востоковедной отрасли действителен на то время тезис Н. Фюстель де Куланжа: день анализа на век синтеза – век синтеза только начинался трудами крымскоориентированных ориенталистов.

Очерк о Ф.Ф. Лашкове предьявляет образец разбросанности занятий занятого школьными трудами ученого, среди которых ориентальная проблематика – стержень, на который судьба не позволила нарастить массу. Будто палубная пушка, сорвавшаяся со стапелей, Ф.Ф. Лашков ищет возможности отдаться полюбившимся занятиям, да качка мешает. Этот очерк написан проф. А.А. Непомнящим с особенным литературным блеском, за эмоциональными характеристиками поднимается образ умученного безденеьем и

пустыми служебными придирками человека с непростым характером, зато “превосходного архивиста” и **внимательного, скрупулезного исследователя**, чем-то схожего с затворниками. В очерке читатель имеет возможность наблюдать связь крымско-ориентальной тематики частных штудий с педагогическим делом, и выглядит она невесело: “крайне печальное время в жизни нашей средней школы, когда живые силы в ней не встречали сочувствия и поддержки, когда самостоятельные творческие убеждения педагогов преследовались, а ценилась покладистость взглядам и даже капризам начальства”, – так А.И. Маркевич в связи с судьбой Ф.Ф.Лашкова характеризовал 1880-е годы (с. 157). Качествами обличительного документа обладает разысканное Андреем Анатольевичем донесение Ф.Ф. Лашкова о злоупотреблениях в Симферопольской мужской гимназии за 1890 г. (с. 158–170), – настолько ярким, что невольно приходят на ум внеисторические параллели с современностью: будто ста лет как не было. Биографические подробности Ф.Ф. Лашкова читаются занимательной французской повестью: и внебрачные дети, и страсть к стяжательству, и брошенные женщины, и страшная смерть от рук рабителей в декабре 1917-го...

Очерки о роли сотрудников Русского музея Императора Александра III и Лазаревского института восточных языков в развитии ориентального крымоведения непременно заинтересует историографа столичного востоковедения. Из одного примечания (на с. 225) мы узнаём, что Н.Е. Макаренко, киевский старатель-мученик о древнерусских древностях, в бытность свою в Крыму, по просьбе П.Я. Чепуриной взявшись оценить собрание караимских книг, пытался вывезти три ящика с этими книгами, объясняя эдакое непотребство необходимостью оплаты за сделанный им просмотр и сортировку фондов. Не правда ли, для биографии Н.Е. Макаренко факт безынтересный? Прекрасные конспективные характеристики Х.И. Оганесяна, А.А. Олесницкого, А.С.А. Озенбашлы, А.Е. Крымского, даже вынесенные в примечания в виде справок, создают достойный контекстный фон для повествования. Впрочем, следует указать на лагуну – монографию А.Н. Кононова и И.И. Иориша “Ленинградский восточный институт: Страница истории советского востоковедения” (М., 1977), обращение к которой могло бы дополнить материалы “*Taurica orientalia*”, особенно в отношении трудов И.Ю. Крачковского, А.Н. Самойловича и В.Д. Смирнова, а не только ПИЖВЯ–ЦИЖВЯ–ЛИЖВЯ (аббревиатуры, над которыми издавались писатели). Внимательно читываясь в действительно интересное изложение, невольно ловишь себя на мысли, что акценты расставлены автором одновременно на всем и ни на чем, и это затрудняет осмысление общей композиции текста. Маленькая оплошность связана с указанием даты смерти А.А. Олесницкого: разомкнутая цепочка “(1888–?)” на с. 228 оказывается замкнутой только на с. 233: ученый скончался 6 мая 1943 г.

Эссе о В.Д. Смирнове, многогранном исследователе, в частности, авторе любопытнейшей монографии “Турецкие легенды о Святой Софии и о других византийских древностях” (СПб, 1898), **представляется одним из наиболее занимательных** в книге проф. А.А. Непомнящего. Пожалуй, портрет

В.Д. Смирнова – едва ли не единственного дореволюционного специалиста по османской литературе XVII–XVIII вв. и истории Крымского ханства, профессора кафедры турецко-татарской словесности Санкт-Петербургского университета, – в изложении Андрея Анатольевича получил выразительную научную оформленность и конструктивную завершенность. Автор обращает внимание даже на такие мелочи, как расхождения в рукописи (обнаруженный им в архиве) с ее публикацией (с. 244), кроме историографических вопросов обращаясь к текстологическим, чем усиливает положительное впечатление. Как в отношении **И.Н. Березина** и **Н.И. Веселовского**, касательно В.Д. Смирнова современники утверждали, что “Крымское ханство для него один из самых скучных сюжетов, от которого приятно отклониться” (С.Ф. Платонов, с. 264). И он **приятно отклонялся, сочиняя бытовые афоризмы** или – все-таки ученый – обращаясь к истории мировой культуры в связи с тюркологией (о чем свидетельствует книга о храме Св. Софии), будто двигаясь из Крыма на юго-запад – в Византию. Последнее обстоятельство может быть объяснено тем, что как раз на последнее десятилетие XIX в. падает зарождение активного интереса к истории византийской культуры и политики, подогретое основанием в 1894 г. В.Э. Регелем “Византийского временника”. “К сожалению, отстаивая свои великодержавные взгляды, В.Д. Смирнов утверждал, что национальные культуры не имеет смысла развивать. Малым же народам, по его мнению, следовало развиваться исключительно путем слияния их с культурой русской” (с. 266). Конечно, надобно вести речь о слиянии не столько с русской (в этом скучность взгляда), сколько с общемировой: например, перевести на татарский Петrarку.

Не должны остаться без внимания читателей очерки о кримоведческих сюжетах в досоветской украинской историографии – об А.А. Андриевском и М.В. Базилевиче; о забытом крымском этнографе П.А. Фалёве, о семействе Харузинных, положившем много усилий на предметное изучение крымских этнодревностей. Очерк о деятельности Е.Ю. Спасской, искусствоведа, этнографа и музейного деятеля 1920–х, полнится новым материалом о В.М. Зуммере, Ф.Л. Эрнсте, Д.К. Зеленине, Д.М. Щербаковском. Оценивая вклад Е.Ю. Спасской в науку, автор острым карандашиком подчеркивает, что “даже две небольшие по объему, но ёмкие публикации порой стоят томов никому не нужной печатной белиберды” (с. 310). Речь идет о “Татарских вышивках Старокрымского района” и “Старокрымских узорах” 1926 г.

Очерк о руководителе советского востоковедения, человеке трагической судьбы, является развитием обзорной публикации проф. А.А. Непомнящего “Крым в научном наследии академика А.Н. Самойловича”, предварявшей “Избранные труды о Крыме” этого ученого (Симферополь, 2000). Здесь же находим, как и в прочих очерках, много свежих сведений, как бы вкручивающих лампочку в штепсель российской ориенталистики. Противостояние между двумя научными школами, одна из которой олицетворялась престарелым В.Д. Смирновым, другая молодым А.Н. Самойловичем, – смешная иллюстрация к традиции ученых отношений между друзьями-гуманитарами

по сей день. В.Д. Смирнов отказался быть оппонентом по магистерской диссертации А.Н. Самойловича, грозился насолить, выступить отрицательно. Отзывы В.В. Радлова, К.Г. Залемана, В.В. Бартольда и П.К. Коковцова были положительными. Модель – по закону Артура Кларка: если заслуженный, но престарелый ученый говорит, что нечто возможно, – он почти наверняка прав; если же он говорит, что нечто невозможно, – он почти определенно ошибается. Проф. А.А. Непомнящий характеризует ситуацию как противостояние юных ориенталистов и почтенных муаллимов (с. 330).

В добротном, информативном и структурно организованном эссе о И.Ю. Крачковском, кроме самого Игнатия Юлиановича и его добросовестных коллег привлекает внимание любопытнейшее примечание о некоем В.С. Дашевском, научном сотруднике Института востоковедения АН СССР, утверждавшем, что закончил Сорбонну, а на самом деле даже не окончившем Историко-филологический институт князя Безбородко (в Нежине) и факультет восточных языков (в Санкт-Петербургском университете), как указывал в анкетах. “Бумаг своих он вообще неохотно показывает, всех ругает, себя хвалит. А главное – всем говорит разное” (В.И. Филоненко с одесским акцентом, с. 389). Настоящий восточный человек! Помимо прочего, такие факты свидетельствуют о случайности, в условиях которой становилось отечественное востоковедение, да и вообще о случайном пути выбора жизненного поприща. Андрей Анатольевич, завершая очерк, цитирует письмо В.И. Филоненко: “с высылкой татар из Крыма умерло в Крыму и востоковедение” (с. 403). Хочется дополнить: умерло, так и не успев как следует повзрослеть. Возрождение крымоведческой ориенталистики оказалось возможным только в самое последнее время, и обсуждаемый научный труд оказывается для этого важным источниковедческим подспорьем.

Очерк “Крымоведение в корпусе ориенталистической библиографии (XIX – первая треть XX века)” (с. 405–428) представляет собой обзор деятельности российских библиографов посреди таврического востоковедения. Хотя разработка вопроса имеет историю (например, брошюра Е.Е. Гопштейна “Библиография библиографических указателей литературы о Крыме”, 1930), проф. А.А. Непомнящий со свойственной ему научной дотошностью точными пуантилистическими мазками дополнил общий колорит картины. Вклад Г.Н. Геннади, Ф.П. Аделунга, В.А. Кордта, В.Н. Юргевича, М.Г. Попруженко, Д.С. Спиридонова, М.И. Броссе, Н.И. Веселовского, В.А. Гордлевского, В.Г. Тизенгаузена, Н.Н. Мурзакевича, Н.И. Репникова, В.В. Симоновского, Г.М. Габдрахимова, М.А. Полиевктова, В.М. Маркова и, конечно же, А.И. Маркевича под пером Андрея Анатольевича обрел завершенные характеристические очертания. Причисление Н.П. Кондакова к “известным историкам-крымоведам” поначалу кажется ошибкой – центр тяжести интересов Никодима Павловича, вестимо, находился в других областях (искусствоведение и византистика), но наш автор настолько прочно аргументирует свои квалификации, что нельзя не поверить: имя Н.П. Кондакова должно значиться и в крымоведческих синодиках.

Заключительный очерк – “Нереализованные крымоведческие проекты тридцатых” (с. 429–464) – следует зачесть новым словом в историографии вопроса. В первых строках письма, намереваясь выяснить природу такой нереализованности, А.А. Непомнящий напоминает, что И.В. Сталин ставил под сомнение значение исторических источников. “Он заявил, что бумажные документы не могут служить установлению исторической правды” (с. 431). Еще бы: только выбитые под пыткой свидетельские показания. Правда, диктатор не уточнил, что же именно может служить таковыми, по-видимому солидаризуясь с Ю.Н. Тыняновым: мол, документы “врут как люди”. Однако тезис был взят на вооружение, и порядочные историки не только растерялись, но и не на шутку испугались. Весь очерк – мартиролог. Писать о разрушительной деятельности большевиков в 30–х человечески тяжело, – будто читаешь Достоевского. Омерзительные политические штампы вроде “буржуазный националистический гнойник”, “чуждая классовая установка” (против которых бессилён здравый смысл), прикрывавшие воинствующее невежество исполнителей партийной воли, каждый раз поражает бессмысленностью следовавших за ним конкретных разрушительных действий. Андрею Анатольевичу удалось сквозь всю тоскливость описываемых событий – уничтожение ученых, пресечение научных школ и разгром исследовательских учреждений – показать нереализованный потенциал крымоведческой мысли. И это – главное достижение очерка. Попутно читатель узнаёт о научной и человеческой трусости Б.Д. Грекова (о которой, конечно, не нам сегодня судить), о перипетиях с несостоявшимися изданиями шеститомной “Советской энциклопедии Крыма” и десятитомной “Истории народов Крыма”, о “классовой чуждости” А.И. Маркевича (“хорошо еще, что успел Арсений Иванович вывезти свое собрание частями из Крыма, а то бы и это было утрачено!”, с. 449), о деятельности Б.М. Вольфсона, подробности о У.А. Боданинском, Н.Д. Полонской-Василенко, А.И. Полканове. Известным насилием над подлинным состоянием дела представляется круг задач Научно-исследовательского общества изучения Крыма (с 1935 г.) – природные богатства, производительные силы (вместо человека), история рабочего движения, фабрик и заводов, совхозов и колхозов и т.д. Это не была вполне востоковедческая тематика, она роднилась с подлинным крымоведением только территорией родства. Однако в 30–е и такой аспект изучения вёрткому исследователю позволял протащить под невинностью идеологической овцы волчью шерстку здравомысленной научности.

Автор суммирует: “В суровое время идеологических гонений за право мыслить независимо, в период разгула политических репрессий в крымском краеведении предпринимались попытки самостоятельных научных исследований, создания коллективных фундаментальных работ и даже организации краеведческого союза. Историки, как могли, старались делать свое дело. Но еще долго они не смогут публиковать результаты своих штудий без цензуры, парткома, обсуждения в коллективе” (с. 464).

В приложении, занимающем последнюю четверть объема “*Taurica orientalia*”, помещены плохо доступные и неизвестные ранее сочинения И.–Г. Георги (“Таврические татары”), И.Н. Березина (“Крым”), Ф.Ф. Лашкова (“Борьба русского народа с кочевниками и значение этой борьбы в истории”), В.Д. Смирнова (“Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 года”, “Положение крымских архивов и их значение”, “И.Н. Березин”), А.А. Олесницкого (“Материалы по изучению крымской народной поэзии. Песня о Сейд-Амете”), И.Ю. Крачковского (“Отзыв о научно-общественной деятельности А.И. Маркевича”) и отчет А.Н. Самойловича о поездке летом 1916 г. “в Поволжье и Крым с этнографическими целями на средства этнографического отдела Русского музея Императора Александра III”. Эти приложения, образцово подготовленные к печати (восхищение вызывает, скажем, арабская и армянская вязь, мастерски вверстанная в текст, с. 507–508, 513, 524, 525, 527), служат тем необходимым подспорьем, которое позволяет – автор, показывая их, будто раскладывает географические карты, – убедиться в точности его интерпретаций, в правдоподобии выводов.

Вообще, в последних очерках красной нитью проходит образ Арсения Маркевича, с делами, днями и, пожалуй, личностью которого наш автор вольно или невольно себя идентифицирует. Это обстоятельство, едва ли невозможное, представляется важным: подхватить упавшее некогда знамя крымоведческой историографии, отряхнуть его от пыли, – достойная ученая и нравственная задача.

Привлекает внимание и упрочивает уважение к научной точности проф. А.А. Непомнящего написание фамилий с полными именами-отчествами: при кажущемся безжалостным загромождении места этот формальный прием облегчит труд последующих исследователей. Осмелюсь указать только на пару мелких лагун: Карл Генрихович Залеман (с. 329) и Василий Иванович Абаев (с. 454). Не может не вызвать положительных эмоций художественное оформление книги: каждый раздел отделан самостоятельными декоративными композициями с использованием репродукций работ К. Боссоли, В. Верещагина и др., старых почтовых открыток и редких фотографий. Правда, не без пересахаривания: на шестистах страницах такой прием может кому-то показаться навязчивым, отвлекая от текста. Оставляет желать лучшего предтипиграфская “обтравка” портретов, среди которых попадаются и вовсе скверные (например, портрет П.Я. Чапуриной на с. 363). Я понимаю, что “качество изображения обусловлено состоянием оригинала”, но в программе “Photoshop” даже новичок смог бы достичь больших успехов. И уж совсем отрицательным качеством, прямо-таки неприемлемым, является вес книги: если бы не те 1,7 кг, она бы могла стать научным бестселлером: для такой роли у нее построены основания. Первая часть “Подвижников крымоведения”, хотя и имеющая меньший объем, в “весовой категории” выглядит выигрышной. Физический вес практически равен научной весомости, и такая пропорция – не в пользу читательского внимания. Это не та тяжесть, у которой должно быть отнято качество легкости: оно должно быть сообщено книге полиграфическим путем.

Давным-давно режиссер Михаил Калик снял фильм “Человек идет за Солнцем”. В одном из эпизодов другой картины, автобиографической – “И возвращается ветер...” – на партийном судилище партийный судья бросает М. Калику обвинение: если человек идет за Солнцем, значит – на запад! Географические коннотации в те вегетарианские времена могли дорого обойтись автору, но его интересовал не партийный побой, но элегантная точность метафоры. Мне кажется, книга А.А. Непомнящего – такое же олицетворение метафоры движения за Солнцем – вполне восточным источником научного вдохновения, питаемого крымскими древностями не столько в самом Крыму, сколько вокруг Крыма: насколько хватает глаз. Автор идет за “Солнцем Востока”, представляя себя полководцем (чем и должен быть подлинный историограф), который аккомодационным зрением хищной птицы обзирает все, что можно увидеть – зрит даже в архивной темноте, – умело и ловко отбрасывая на бумагу тени человеческих характеров, детали научных портретов, строки архивных бумаг и серебро дагерротипов. Кажется, автор опьянен поставленной задачей и, зная за что взяться во-первых, за что – во-вторых, и чем завершить, движется к цели уверенно и вдохновенно. Общенсторическая композиция книги взнуздала и объединила биографическую анекдотику единством строгого авторского взгляда.

Важно, что проф. А.А. Непомнящий последовательно, не разгибая спины, нанизывает на шампур историософского подхода и жирные куски анекдотов, и сухой ворох исторических сведений. И умеет вовремя остановиться, чтобы не испортить блюда. В широкой раме востоковедческих исследований Крыма А.А. Непомнящий видит живое движение формы, ее передачу и усвоение, развитие и изменение. Добротный результат достигнут посредством мельчайшего анализа самого научного мастерства исследователей, разработки вопросов, которые, однажды восстав из небытия под пером ученых, во второй раз явлены на свет Божий неравнодушным усилием Андрея Анатольевича, которого можно, пожалуй, назвать архистратигом крымоведческой историографии.

“Время работы – это время опьянения. Самое трудное начать, поднять на плечи груз. Идешь с ним, вписываешься в эту ходьбу, и кажется, что ритмически понесешь его без конца. Но вот наступает конец ... где сбросить? Концов несколько. Какой же выбрать? ... Технически есть несколько готовых приемов ... В этот период выбора и раздумья каждый хочет найти свое, особое, свой вариант в сущности заранее определенного всей техникой литературы того или иного конца” [5]. Так и в “*Taurica orientalia*”: каждый очерк законченное целое и в то же время конструктивный элемент бережно, на яичном растворе возводимого здания, его содержательная плоть, которая живится черной кровью факта и красной – авторского чувства.

1. Пучков А. Многовекторье крымской историографии // Художня культура. Актуальні проблеми: Наук. вісник / ППСМ АМУ. – К., 2007. – Вип. 4. – С. 706.

2. Тынянов Ю.Н. Как мы пишем // Юрий Тынянов: Писатель и ученый (Воспоминания, размышления, встречи). – М., 1966. – С. 197.

3. Там же. – С. 196.

4. В Киеве его именем была названа улица: Безаковская (ныне Коминтерна) – от Бибииковского бульвара (ныне – бульв. Тараса Шевченко) к железнодорожному вокзалу. Знаменит он тем, что в бытность его главой края была открыто движение по Курско-Киевской железной дороге.

5. *Никитин Н.* // Как мы пишем. – Л., 1930. – С. 122.

Д.В. КЕПІН

Новий словник із музеєзнавства

Рец. на: // Музей / Председатель редсовета: президент Союза музеев России, генеральный директор Государственного Эрмитажа, член-корреспондент Российской Академии наук М.Б. Пиотровский / Гл. ред. канд. ист. наук Е.Б. Медведева. – М., 2009. – № 5 (май). – 76 с.

Черговий номер часопису “Музей”, який має підзаголовок “Музейные термины: новации и традиции” підготовлений і виданий Російським інститутом культурології Російської Академії наук та Міністерства культури та масових комунікацій Російської Федерації, присвячений проблемам уніфікації музеєзнавчої термінології.

Тематичний випуск складається з двох частин. У першій уміщені оглядові статті провідних російських музеєзнавців, які займаються розробками теорії цієї науки, а саме: А.А. Сундієвої (Російський інститут культурології (далі – РІК), М.С. Каулен (РІК), І.В. Чувілової (РІК), О.Є. Черкаєвої (РІК), М.В. Борисової (РІК), Л.І. Скрипкіної (Державний історичний музей, м. Москва), Г.Г. Лещенко (Російський державний гуманітарний університет). Друга частина – “Словарь актуальных музейных терминов”, підготовлений сектором музейної енциклопедії РІК, очолюваного кандидатом історичних наук І.В. Чувіловою за участі фахівців з інших установ, і містить 180 дефініцій понять, термінів, які використовуються у сучасному російському музеєзнавстві.

Зуїнимось докладніше на розробках російських колег.

А. Сундієва у статті “О базовых понятиях музейной науки” розглядає внесок російських учених (А.М. Разгон) у розвиток мови музеєзнавства. Визначає музеєзнавство як науку, що формується “...на стыке социального и гуманитарного знания и изучающей закономерности генезиса и функционирования музея, его взаимодействия с культурным и природным наследием и обществом” (с. 6). Музей розглядається як “культурная форма” (с. 7). Дослідниця пропонує виділяти “протомузейный этап развития культуры” та “протомузейные формы”. Зазначимо, що таке розуміння передісторії музейної справи є і в працях українських фахівців (Г.Г. Мезенцева, Ю.А. Омельченко, О.В. Бондарець, Е.М. Піскова, Л.Д. Федорова) [1]. А. Сундієва вважає за доцільне замінити поняття “музейное дело” на “музейная